

Интерпретация обережных мотивов в «Абевега русских суеверий» М.Д.Чулкова

«Абевега русских суеверий» – это уникальное исследование, которое было написано более 200 лет тому назад М.Д.Чулковым и с той поры не переиздавалось. Работа русского писателя легла в основу всей будущей русской этнографии и стала краеугольным камнем исследований такого сложнейшего пласта культуры, как язычество славян и других народов, населяющих Россию. В сферу внимания автора входят обряды (брачные, связанные с рождением, возрастные, похоронные), бытовые обычаи, приметы (ворожба, гадание), этикет и народные праздники плодородия, верования и духовные институты, старообрядчество [Юхт 2001: 75-81]. Поколения фольклористов как XIX, так и последующих веков писали свои труды, используя ее как базис в своей научной деятельности.

«Абевега русских суеверий», ставшая настольной книгой для многих фольклористов и этнографов, почти не исследовалась как литературное произведение, что мы и хотим дополнить в предлагаемой статье. Нельзя сказать, что деятельность М.Чулкова не нашла свое отражение в литературоведении, но чаще все же он рассматривается как социальный писатель и просветитель (В.С.Нечаева, В.Б.Шкловский, Р.В.Кауркин, Е.П.Титков, А.И.Юхт и др.).

Интересен сам жанр «Абевеги русских суеверий».

Начнем с того, что в литературном процессе последних десятилетий XVIII в. динамически развивается диалог беллетристики с образцовой, «вершинной» литературой и народным повествованием. Беллетристика приобретает новую форму бытования, популярность в читательской среде, выходит на рынок книжной продукции, подключается к литературному процессу, вступает в диалог с многообразными повествовательными традициями [Рожкова 2005].

Данный процесс ярко отражен в «Абевега» М.Д.Чулкова, ибо по сути своей она вряд ли является просто мифологическим словарем. Скорее, данное произведение представляет собой сборник историографических очерков и суеверных рассказов, бытовавших в среде народов Российской Империи, и экономических данных, объединенных на базе мифологического словаря.

По сути своей, обережные обряды, как способы защиты от нечистой силы, в «Абевега русских суеверий» можно разделить на несколько частей:

1) словесный оберег, как некий заговор, помогающий отогнать нечистую силу,

2) вещественный оберег или амулет,

3) хитрость или уловка,

4) табу и

5) ритуал и его атрибуты.

По направлению же своего действия они либо усыпляют нечистую силу, «отводят ей глаза», либо же создают некий оберег (чаще всего амулет), защищающий человека от нечистой силы.

Самым известным и до наших дней **словесным оберегом** является восклицание: «*Чур меня!*», т. е. призыв на помощь покровителя-чура. По Чулкову «...славяне признавали сего бога хранителем межей, полей и пашен, и оный больше всех прочих богов имел власти над чертями» [Чулков 1782: 319].

В качестве оберега Чур упоминается у Чулкова в обряде Святочного гадания: «... девица приходит в пустую комнату одна, принеся с собою два прибора, зеркало и свечу, ставит все оное в порядке на стол, и сев против зеркала гадает, суженой ряженой, приди ко мне ужинать. Минут за пять перед его приходом, начинает зеркало тускнеть... наконец придет некто, и смотрится через ее плечо в зеркало; и когда невеста рассмотрит все черты на его лице, тогда закричит, **чур сего места**: то дьявол ... исчезнет...» [Чулков 1782: 150-151].

Еще одним интересным словесным оберегом, о котором упоминает в своей книге Чулков, является фраза «*аминь, аминь, разсыпья*». По своему символическому значению данный оберег совпадает с оберегом призыва Чура и употребляется в похожих ситуациях:

«**Змеи огненные**, ...проезжающие в зимнее время ночью поля, видят падающие с неба звезды, кои также почитают за оных же дьяволов, и крестясь произносят ... **аминь, аминь разсыпья**...» [Чулков 1782: 204].

Как и в случае с Чуром, данная словесная формула является средством для того, чтобы отогнать от себя нечистую силу, отгородиться от нее словом Бога.

Также для отгона нечистой силы в «Абевега» прибегают к помощи некоего **ритуала**. Очень часто подобные обереги бывают связаны с неким переходом из одного состояния в другое: свадьба, рождение, смерть и т. д. Примером мы можем назвать ритуал захоронения кол-

дуна, которого подозревают сговоре с нечистой силой. Данный ритуал должен был препятствовать колдуну приходить к родственникам его в виде еретника:

«...отъ котораго посещенія, наводящаго ужасъ всемъ домашнимъ, инако избавишися не можно, какъ выкопавъ такого мертвеца, положить паки во гробъ ничкомъ, подрезать ему пяты и вколотить между плечами осиновою колъ, прочитавъ заклинательныя молитвы, зарыть паки землею» [Чулков 1782: 75].

В данном случае сам ритуал становится оберегом, защищающим людей от умертви, в которую может обернуться колдун после смерти.

Часто в качестве оберега в ритуалах выступают растения (прикрыт большой, плакун-трава, колюка-трава и т. д.) либо животное, иногда части его тела (когти филина, летучая мышь). Тем самым в данных суевериях подчеркивается связь человека с природой, со средой, в которой человек обитает. Примером же такого суеверия может служить определение прикрыта большого:

«Прикрытъ большой ...когда невеста от венца привозится в домъ жениховъ, то оную траву кладутъ въ такое место, где бы невеста нечаянно черезъ нее перешагнуть могла; и тогда по ихъ скаскамъ никакие не берутъ невесту уроки...» [Чулков 1782: 273].

Еще одним способом защиты от нечистой силы у Чулкова является **хитрость или уловка**. Что интересно, мотив оберега в таких историях чаще всего несет в себе языческую направленность, языческую символику. В случае с определением лешего: *«...ежели леший в лесу обойдет, и человек дорогу потеряет, то должно все имевшееся на нем платье выворотить и вздеть на изнанку, то пропадает обойдения сила, и человек сыскав дорогу, лешего избавится может»* [Чулков 1782: 235-236]. Переодетую наизнанку одежду в данном определении можно толковать двояко. С одной стороны она становится своеобразным пропуском – человек, надевая свои вещи задом наперед, тем самым приобщается к потусторонней силе и может видеть мир так, как видят его потусторонние сущности, с другой стороны – человек обманывает нечистую силу, притворяясь ею, поступая так, как не свойственно человеку, но свойственно нечистой силе. Тем самым человеку удается обмануть нечистую силу, снять с себя ее колдовство.

Также к оберегам можно причислить и всевозможные **табу**, запреты, которыми избилуют суеверия всех народов не только России, но и мира. По сути своей табу можно разделить на несколько видов. Одни из них связаны с суевериями и несут в себе сакральный смысл. В других

с течением времени сакральный смысл был утрачен, и потому данные табу стали своеобразной данью прошлому народа, в котором они появились, некими правилами, традициями, то есть, несут в себе функцию правил поведения у народа. При этом автор в своих определениях приводит не только примеры таких табу, но и по возможности приводит примеры суеверий, легших в основу данному запрету:

«...въ сей день ни где не выгоняють стада, веря и другихъ уверяя, что въ сіе время все свирепыя звери и ядовитыя гадины оставляя свои норы, ходять по лесамъ свободно...» [Чулков 1782: 208].

Что касается обрядов, направленных на созидание, то в «Абевеге» они представлены **оберегами вещественными**. Как пример можно привести определение, данное М.Д.Чулковым ладонке:

«Ладонка или мошонка: простолюдины привешивают ее на тот шнурок, на коем носят крест и кладут в нее ладон, веря что ни колдовство, ни уроки взять его не могут; а когда кто родился в сорочке, то и оную кладут тут же и носят таковые ладонки по смерть для щастия...» [Чулков 1782: 231-232].

Как мы видим, универсальным оберегом у славян считался нательный крестик либо ладонка, но многие суеверы часто складывали в ладонку не только христианские обереги, но и обереги языческие, как то засушенных летучих мышей, когти филина, сорочку и т. д., считая, что оберег станет от того совершенней. Тем самым М. Чулков обращает наше внимание на явление, которое и по сей день занимает умы фольклористов, а именно – на объединение языческих и христианских мотивов в мировоззрении русского человека, т. е. на *феномен двоеверия*, как на феномен, предполагающий сосуществование различных вер, хотя исследователями того времени «...еще не разделялись языческие и двоеверные образы и понятия» [Смирнов 2002].

Феномен двоеверия является одним из интереснейших как с теоретико-методологической, так и с практической точки зрения. Он является, неразрывно связанным, с одной стороны с такими культурными феноменами, как древнеславянское язычество и православие, а с другой – с понятиями «религиозная вера», «нерелигиозная вера» [Данилов 2001]. Особенно часто подобное явление наблюдается при анализе заговоров.

Ученые-фольклористы пришли к выводу, что многие образы и формулы заговоров, уходящих корнями своими в глубокую древность, в процессе своего бытования получив «прививку» со стороны христианской традиции. При этом следует помнить и о том, что само христи-

анство зародилось в недрах иудаизма и органически восприняло наследие древних культур Средиземноморья и Ближнего Востока. Например, русские заговоры от лихорадки связаны по своему происхождению с так называемой Сисиниевой легендой, которая помимо византийцев и славян известна у коптов, эфиопов, армян, румын, сирийцев, арабов и евреев [Гиппиус 2005; Ryan 2006]. Многие заговоры XVII–XVIII вв. включают отсылки к сакральным эпизодам Библии, переосмысленные стихи Псалтыри и т. д. Эти разнородные и разновременные пласты взаимопроникают друг в друга, и результат представляет собой нечто принципиально новое и оригинальное. Как доносил в Рим в начале XV века кардинал д’Эли: *«Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение»* [Замалеев 1991: 17–18].

Но в развитии данного феномена лежат не только религиозные, но и исторические реалии того времени. Он в этом смысле остается одним из интереснейших как с теоретико-методологической, так и с практической точки зрения, так как обозначает собой моменты кризиса человеческого сознания, моменты поиска своего места в мире с пошатнувшимися идеалами. Изменение исторических условий жизни вызывает в социальной психологии перемены и приводит к смене умонастроения человека [Кауркин 1998]. В случае с XVIII веком таким пошатнувшимся колоссом стала религия, *«...новые отношения между государственной властью и церковью, когда та вынуждена была следовать в фарватере политики правительства, имели непосредственное влияние на процесс секуляризации религиозного сознания»* [Кауркин 2000].

Также из данных определений мы можем увидеть, что суевериям подвержена большая часть населения России, тем самым мы можем утверждать, что в данных суевериях нашел свое выражение менталитет народов России, его мировоззрение:

«...Русский человек даже в доме не чувствует себя в полной безопасности, ... ибо есть еще и сверхъестественные существа, которые считают его дом своим и управляют хозяйством по своему разумению» [Тернопол 2006: 137–144].

Тем самым была подчеркнута общность многонациональной страны, объединенной не только общей территорией проживания, но и общей ментальностью, общей духовной составляющей населения.

Исходя из анализа обережных мотивов в «Абевега русских суеверий»

М.Д.Чулкова, мы приходим к выводу, что автор в своем произведении сумел показать не только глубину суеверий, но и их всепроникаемость. Он одним из первых он сумел заметить феномен, который впоследствии ученые назовут феноменом двоеверия, хотя сам, скорее всего, и не осознал этого. Также автором было подчеркнуто то, что подобным суевериям подвержены не только русские люди, но и другие народы, живущие на территории России, а также общая ментальность и система мировоззрения этих народов. Обережные мотивы в книге Чулкова были нами классифицированы в зависимости от того, в каких случаях человеческого существования они проявляли себя. Также, при анализе обережных мотивов нами было подмечено и своеобразие жанра, в котором было написано данное произведение, а именно совмещение в нем жанров мифологического словаря и историографического очерка, периодически совмещенного с суеверным рассказом.

Произведение М.Д.Чулкова легло в основу этнографических и фольклорных исследований многих ученых, найдя отражение в их научных изысканиях. Начиная с XIX века и до сих пор, в трудах, посвященных фольклору, мы можем увидеть, что многое в этих исследованиях было заимствованно из книги Чулкова, либо же мы можем наблюдать отсылки автора на данное произведение. На основе данного произведения создавали свои работы такие ученые, как С.В.Максимов, В.И.Даль, А.Н.Афанасьев и др. Следует сказать и о том, что в 1995 году М.Власова издает свой словарь пантеона низших мифологических существ русского фольклора, назвав его «Новая АБЕВЕГА русских суеверий» в прямой аналогии с мифологическим словарем М.Д.Чулкова [Власова 1995], благодаря чему мы можем утверждать, что данное произведение до сих пор не потеряло своей значимости для фольклористов и этнографов России.

Литература

1. *Власова М.Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий.: Иллюстрир. словарь. – СПб., 1995.
2. *Данилова А.И.* Феномен двоеверия в русской литературе: культурологический подход: Автореф.канд.культуролог.наук. – Краснодар., 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-dvoeveriya-v-russkoi-literature-kulturologicheskii-podkhod>, свободный. – Проверено 08.04.2013.
3. *Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А.* Еретики и ортодоксы: очерки древнерусской духовности. – Л., 1991.
4. *Кауркин Р.В., Е.П.Тутков.* Михаил Чулков. Творческое наследие. – Арзамас, 2000.

5. *Рожкова Т.И.* Беллетристическая книга в литературном процессе последних десятилетий XVIII века: Автореф. докт. филол. наук. – Магнитогорск., 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/belletristicheskaya-kniga-v-literaturnom-protsesse-poslednix-desyatiletii-xviii-veka>, свободный. – Проверено 08.04.2013.

6. *Смирнов П.А.* Двоеверие как философская проблема: На примере отечественной культуры: Автореф. канд. филол. наук. – М., 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/dvoeverie-kak-filosofskaya-problema-na-primere-otechestvennoi-kultury>, свободный. – Проверено 08.04.2013.

7. *Тернопол Т.В.* Славянская демонология: кто в доме хозяин, или An Englishman's home is his castle // Вопросы психолингвистики. – М., 2006. – С. 137–144.

8. *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и свадебных простонародных обрядов. – СПб., 1786.

9. *Чулков М.Д.* Краткий мифологический лексикон. – СПб., 1767.

10. *Юхт А.И.* Чулков Михаил Дмитриевич (1743-1793) // Историки России. – М., 2001. – С. 75-81.